

Четвёртое открытие Америки

«Открывать» Америку Пермскому балету, сопровождаемому оркестром, приходится не в первый раз. А если быть точным, то в четвёртый. Сейчас, когда после прилёта коллектива «с корабля на бал» - из Сан-Франциско в Москву, на фестиваль «Золотая маска», а затем в Пермь и опять же сразу на открытие балетного конкурса «Арабеск» (спектакль «Дон-Кихот») - кажется, что этот калейдоскоп событий был уже давно...

В Майами было плюс 25 градусов по Цельсию, а вылетали из Перми в минус 25. Смена погоды вполне соответствовала смене декораций: пальмы вместо снежных сугробов. Позднее коварная шкала Фаренгейта не давала нам точных сведений о том, что сегодня одеть (для женщин немаловажная информация), смотреть же на одетых американцев было бесполезно, т.к. в любую погоду диапазон одежды встречался любого ассортимента: от тёплых джемперов до открытых футболок. На ногах – кроссовки или лёгкие «шлёпанцы». Однако тёплой погодой за всю почти двухмесячную поездку (21 февраля – 13 апреля) Америка нас не радовала: встречался и дождь, казавшийся зарядившим навсегда, и снег, воспринимавшийся здесь уральцами как экзотика. Всё дело в том, что проехали артисты балета и оркестра по Америке от Тихого океана до Атлантического, в основном автобусом, а из Чикаго и самолётом. Сменили, по общим подсчётам, 23 гостиницы, а городов и того больше, т.к. в некоторых случаях ехать приходилось и до, и после спектакля – таков был жёсткий график, предложенный импресарио. Иногда выручали водители автобуса своими забастовками - требовали неукоснительно соблюдать 8-часовой «отстой» автобуса, и мы с ярко выраженным удовольствием поддерживали их требования, разгружаясь в очередной гостинице: надо же было хоть как-то восстановить силы и привести в порядок свой концертный гардероб.

Что удалось увидеть? При таком плотном графике спектаклей (отработали их 37) достаточно много для оркестрантов, не привыкших к турпоездкам. Как одно из первых впечатлений остался в памяти мост, соединяющий Бруклин с Манхэттеном. Ожили ни о чём не говорившие раньше строки Маяковского: «смотрю на Нью-Йорк сквозь Бруклинский

мост...». Проехали по знаменитому Бродвею – остановиться даже на несколько минут автобусу там не полагалось. С набережной была видна статуя Свободы, но так далеко, что нельзя было рассмотреть, открыта ли вновь для туристов смотровая площадка, находящаяся в её короне. Возле Бруклинского моста туристов было столько, что издали казалось, что это гигантский муравейник шевелится среди небоскрёбов.

Из окна автобуса щёлкали ежесекундно фотоаппаратом, превращая впечатления в гигабайты остановленных мгновений. Разве удалось бы проехать по Манхэттену, побывать в Чикаго, Детройте, Сан-Франциско, если бы не гастролы!

Импресарио вполне оправдывал образ капиталиста, созданный в ещё советской России, разрисовывавшей нам потогонную систему. На все просьбы об экскурсиях отвечал фразой, ставшей крылатой: «Вы приехали сюда работать!». Водители оказались гораздо человечнее: доставали русские телефонные карточки, работали экскурсоводами в своё свободное время, возили по городу, правда, артистам приходилось «сбрасываться по рублю», чтобы возместить расход бензина.

Что запомнилось? Прежде всего, конечно, шок, полученный оркестром от любимой авиакомпании «Lufthansa». Дело в том, что при всех своих прекрасных качествах, в числе которых обеспечение безопасности полётов, эта компания почему-то страдает неискоренимой, очевидно, болезнью – потерей чемоданов, сданных в багаж. Столкнувшись с данной особенностью однажды, коллектив готовится к полёту особо: вещи первой необходимости, в число которых входит и концертная одежда, обычно берутся в салон. С этой целью своевременно приобретаются мини-чемоданы, т.к. в руках, как правило, ещё и инструмент. Грузом первой необходимости, который сдаётся в багаж, считаются декорации, а также чемоданы с нотами, они помечаются специальным образом, чтобы быть отправленным в первую очередь и не опоздать к первому спектаклю. Но в этот раз всё произошло по закону Мерфи – «если может произойти что-то плохое, оно непременно произойдёт». Вместе с личными чемоданами пропал и чемодан с нотами «Спящей красавицы», с которой должны были начинаться гастролы.

Излишне отмечать, что спектакль ни заменить, ни отменить было нельзя. Нашли выход: взять оркестровые партии в американском прокате. В день спектакля ноты из проката случайно ушли... в другой город.

Вернуть их удалось за несколько часов до начала спектакля. Ноты были некорректированные. Для того чтобы понять, что это такое, нужно представить себе, что достаточно большому числу людей нужно одновременно исполнять определенный текст, в котором некоторые эпизоды повторяются, а другие пропускаются. Успех зависит от того, насколько правильно внесены в каждый вариант текста необходимые изменения. В противном случае начнётся история, в которой «кто в лес, а кто и по дрова».

К началу спектакля удалось откорректировать только первый акт. Делали это наизусть, т.к. ни одной партии с вариантом пермского спектакля не было. Корректировали каждый антракт, но до конца работу довести не удалось – не хватило времени, вспоминали на ходу, иногда по яме шла не совсем профессиональная лексика, недостающие в нотах эпизоды даже пели... Окончание спектакля было отмечено всеобщим возгласом «Yes!!!», что в переводе на русский язык означало – мы сделали невозможное. Ощущение было однозначным – второй раз никто по таким нотам уже ничего не сыграет, но, слава Богу!, чемодан с нотами нашёлся ко второму спектаклю. Думается, что в будущем, несмотря ни на что, ноты для первого спектакля навсегда найдут место в личном багаже каждого оркестранта...

Как оказалось позднее, первый спектакль, благодаря ощущению экстрима, был наиболее живым. Далее все исполнения были более отшлифованными, где все тонкости выполнялись почти автоматически. И это было очень кстати, т.к. сказывалась разница во времени, которая достигала 10 – 12 часов по сравнению с пермским. Иначе говоря, мы работали всё время ночью. Говорят, привыкнуть, перестроиться можно, но некоторым этого сделать так и не удалось, всё-таки биологические часы – очень мощный прибор. Ирония судьбы состояла в том, что как только организм наконец начал перестраиваться, мы вернулись в Пермь, и здесь всё началось сначала.

Примерно в середине поездки два спектакля давали в Канаде. Самой Канады, как и многих городов в Америке, не видели, т.к. работали в казино Рама, специально построенном в загородной зоне. Бывшие в одной из прошлых поездок в центре игорного бизнеса – Лас Вегасе, никаких предубеждений против казино мы практически уже не имели, т.к. знали, что в игорные заведения ходит самая элитная публика. Просто в казино располагается шикарный концертный зал. Таким образом, Канада осталась

«за бортом», и нам ничего не оставалось, как сфотографировать заснеженные пустынные поля с редкими деревьями - вид из окна гостиницы – и отправить через Интернет родным с ироничной подписью «Это – Канада».

Кстати, насчёт интернета. Сначала не веришь своим глазам, т.к. в холле практически каждой гостиницы стоит компьютер с 24-часовым доступом в Интернет. Бесплатно. Таким образом, гостиница как бы компенсирует неудобства, связанные с дорожными хлопотами. А если у вас с собой ноутбук, то вы можете пользоваться услугами Интернет прямо из номера. Кроме того, вы всегда можете пойти в кафе, где предлагают wireless free – бесплатный беспроводной Интернет, нужно только выпить чашечку чая.

Пересекая границу с Канадой, захтели посмотреть на Ниагарский водопад. Впечатление от увиденного - почти всегда отличное от ожидаемого. Здесь же возникла гармония между тем и другим. «Кипящий занавес» - так называют водопад, и это наиболее соответствует зрительному впечатлению.

По существу водопадов два, а по печатным источникам и вообще три: Американский водопад, водопад Фаты, получивший свое название благодаря сходству со свадебным нарядом, и водопад Подковы (известный как Канадский водопад). На романтически настроенных людей производит впечатление, что водопад «ходит», передвигается. Водопад отступает примерно на 1 м. в год, оставляя за собой глубокое ущелье, и находится сегодня почти на 300 м. дальше от того места, где французский исследователь Луи Эннепен увидел его в далеком 1678 году. Водопад не кажется высоким, потому что мы смотрим на него сверху, хотя высота его около 50 м. А ещё через него проходит почти 20 процентов мирового запаса пресной воды...

Выходя из автобуса, мы моментально переставали быть туристами и следовали к своему рабочему месту. Немного о нём. Техническая оснащённость залов, в которых довелось нам работать, была самая разная в соответствии с принимавшими нас городами. Иногда сказочное удобство оркестровой ямы доводило нас до слёз – когда у нас в Перми будет такое!? Репетиционные помещения представляли собой идеальный вариант студии, а иногда мы располагались в учебных аудиториях колледжей, где были самые настоящие школьные доски, только писали на них маркерами, чернила которых нигде не оставляли следов и стирались на вид обычной

губкой. Наверное, современным детям это не в новинку, но мы ностальгически вспоминали школьные тряпочки, оставлявшие на доске разводы от мела.

В некоторых случаях ямы не было вообще, для оркестра освобождались первые ряды зрительного зала, ударные инструменты помещались (привычно!) в ложе, а арфа... на сцене, но и это ещё не всё! Однажды мы залезали (именно!) в оркестровую яму из зрительного зала через барьер с помощью галантно поданных рук мужской половины оркестра. Всё это воспринималось нами с улыбкой, т.к. мы своими глазами видели, что занавес открывают и закрывают вручную.

Публика была совершенно цветная. И по одежде и по цвету лица. В оркестровую яму заглядывали как в клетку зоопарка, дети показывали в нашу сторону пальцем. Чувствовалось, что «живой оркестр» здесь - по-прежнему редкость. Русские эмигранты с удовольствием обращались к нам с приветствиями и вопросами, а вот их дети уже неохотно говорили несколько слов на ломаном родном языке.

Наполняемость зала также варьировалась от «театр уж полон» до ощущения, что «в зале собрались только истинные ценители». Была и ситуация, когда зал был слишком большой для такого маленького города. Мы, изучившие с утра город буквально вдоль и поперёк (в поисках продуктового магазина), были уверены в том, что все сидящие в зале – это именно все жители этого небольшого городка.

Сколько бы ни было зрителей, успех балета был всегда величиной постоянной. Аплодисменты говорили только одно – это триумф!

Были спектакли, которые можно назвать социальным проектом со стороны импресарио. Такие спектакли давались в балетных школах, где сначала на сцене артисты демонстрировали урок классики, а затем показывали «белый акт» из Лебединого озера с любимым публикой танцем маленьких лебедей. С большим интересом зрители воспринимали показ костюмов, где «выигрывал» костюм королевы, его встречали всегда усиливающимися аплодисментами.

Однажды публика была совсем детская, так что несколько детей уснули. Когда спектакль закончился, мальчика, сидящего почти рядом с оркестром, разбудили словами «просыпайся, всё уже закончилось» - он проснулся и был очень удивлён.

Самому маленькому зрителю было около 5 месяцев. Оркестр смотрел на это диво больше, чем в ноты. Оно сидело смирно ...до первого удара литавр. Затем родителям пришлось покинуть зал.

Только глядя в зрительный зал, мы можем хоть как-то составить своё мнение о нынешних американцах, другое общение при нашем графике работы практически исключено. Однако несколько общих выводов сделать всё же можно. Например, несомненно, они ведут борьбу за здоровое питание, тучных людей стало гораздо меньше, нет-нет, да попадаются навстречу люди, делающие утреннюю или вечернюю пробежку, почти в каждой гостинице есть тренажёрные залы и бассейны. Вот только с предприятиями быстрого питания не всё ясно. Как-то встретила пикетчиков возле МакДональдса и поняла, что требуют они взаимоисключающих вещей: та часть населения, которая привыкла питаться хот-догами, протестует против закрытия этих простых и дешёвых заведений. Другая часть пикетчиков-радикалов выступает за уничтожение предприятий быстрого питания, как наносящих громадный вред здоровью. Кто знает, не придётся ли в будущем решать подобные проблемы и нам?

В Чикаго наше внимание привлекли небоскрёбы, непохожие на остальные своей нижней частью. При близком рассмотрении обнаружилось, что первые 16 этажей представляют собой не офисы (как в России первые этажи) и не жилые помещения, а ...гаражи! Остальные 40 верхних этажей, очевидно, заняты уже не машинами, а людьми. Отсюда становится ясно, почему на вопрос «как пройти», американцы объясняют, как проехать. Несмотря на проблему автомобильных пробок на дорогах во всём мире, каждый американец твёрдо уверен в том, что без машины жить нельзя. Это вполне объяснимо, т.к., по словам служащих гостиницы, в радиусе 5 км от жилого района никаких магазинов вообще нет. Естественно, что на слово «пешком» они реагируют с помощью удивлённо открытых глаз. И убеждены, что пешком не дойти. Как будто отвечая американцам, пермские артисты могут сходить за продуктами в соседнюю «деревню», как они обычно говорят: «легко!».

Сейчас воспоминания чередуются в голове как слайды: спектакль, дорога, гостиница, встреча с друзьями-эмигрантами, аэропорт и снова спектакль, дорога. В СМИ прозвучало, что поездка пермского балета была коммерческой. Для артистов это были просто очередные гастроли, а значит – «мы приехали сюда работать!».
